

[Диалектика инобытия сущности: вечность и время]

<...>

IV. До сих пор мы производили диалектическое исследование перво-сущности и перво-сущности в отношении к инобытию. При этом мы коснулись диалектических свойств первозданной сущности (или сущности, положенной перво-сущностью и до распада), распавшейся сущности и, наконец, восстановленной сущности (первый момент в предыдущих рядах – самостоятельное утверждение своей абсолютной сличности с перво-сущностью). Но мы не исчерпали еще одну возможность. Распавшаяся сущность – во времени. Но в вечности – не только нераспавшаяся сущность. В вечности пребывают три сущности – первозданная, восстановленная (или спасенная) и невосстановленная (или погибшая). Рассмотрим эту последнюю в сравнении с другими двумя видами вечной сущности. Тогда можно будет считать диалектику инобытия законченной.

а) Однако необходимо предварительно вспомнить кое-что из предыдущего. – Перво-сущность имеет четыре разреза – смысл, интеллигенцию, стремление и выражение, – остающиеся образцом смысловой конструкции для всякого инобытийного предмета.

[391] б) Эта перво-сущность, переходя в инобытие, становится новой вещью, подчиненной уже законам не только сущности, но и – инобытия. Конкретно говоря, вечная и идеально-временная сущность становится не только идеально-временной, но – в иных стадиях инобытия – и материально-временной, алогически-текучей. Чтобы не сбиться в этих сложных диалектических антиномиях, представим их в ясной и раздельной форме.

1. *Вечность и время – одно и то же*, ибо единственный смысл, или эйдос, имя, действующий и живущий во времени, есть только вечный и неизменяющийся смысл, или эйдос, имя.

Это значит:

а) *Нет никакого времени помимо и вне вечности, и, следовательно, нет никакого времени ни до вечности, ни после вечности, ни в самой вечности.*

Это – чрезвычайной важности утверждение. Нет никакого времени вне вечности. Это значит, что все, свершающееся во времени, заранее предreshено и предопределено в вечности. Во времени нет ничего такого, что не заключалось бы уже в вечности. Время – лик вечности. Сквозь набегающие и суетливые волны времени видятся неподвижные контуры вечных имен. И сколько бы ни суетилось и ни нагромождало всяких бурь и неустойств текучее и непостоянное время, оно не в силах ни на йоту увеличить вечность. Безумно спрашивать о вечности, *когда* она была или *когда* она будет. Она никогда не была и не будет. Она только есть и только она и есть. Находясь в мутном потоке времен, мы можем *с точки зрения этого потока времен* спрашивать, *когда* настанет вечность, и что будет, когда она настанет. Но когда настанет этот момент вечности, мы увидим, что в вечности опять все то же, что мы находим во времени, что вечность ни на йоту не отступила от себя перейдя во время, только знание наше стало полным вместо прежнего, мутного и забывчивого. Вечность непрерывно и целиком присутствует с нами в каждом мгновении, из нее нельзя уже выбросить ни одной точки, как бы время ни говорило нам об этом и как бы ни советовало это сделать. По этому самому и во временном потоке нельзя выбросить ни йоты. Нельзя время ни повернуть обратно, ни изменить, ни ускорить, ни замедлить. Изменить время значило бы изменить самое вечность. Вечность всегда одна и та же. *Если бы время могло изменить вечность, то оно само перестало бы существовать.* В самом деле, временное и меняющееся может быть только при условии наличия вечного и неподвижного в каждый момент изменения. Теперь, если будет меняться и это вечное, то это значит, что изучаемый нами процесс времени или изменения рас-

падает на бесчисленное количество друг другу абсолютно дискретных бесконечно-малых частиц, т.е. невозможно стало бы мыслить самое время и движение. Таким образом, неподвижность и неизменность вечного есть диалектически необходимое условие времени. И если время не будет подчиняться этой вечности и если вечность не будет поглощать все временное и содержать все ее пестрое многообразие в одной точке, не будет и самого времени. Нельзя говорить, что *сейчас* мы во времени, а *потом* будем в вечности или *раньше* были в вечности. Это — оборот речи, имеющий большое значение для мифологии, но не для диалектики. *Раньше* мы не могли быть в вечности потому, что время ничего нового с собой не привносит в вечность, и поэтому отпадает необходимость говорить о «раньше», если есть только «теперь и всегда». *Потом* мы не можем быть в вечности потому, что уже и теперь каждый временной наш шаг есть черта вечности, и из времени ничего уже не выкинешь, раз оно случилось; оно, раз уже свершилось, останется навеки. Можно говорить о *раньше* и *потом* в отношении к вечности только в одном смысле — в смысле *абсолютности свойств*. Во времени мы знаем мало, в вечности — знаем все, ибо отпадает меон, вызывающий забвение. Во времени мы любим мало, в вечности любим и влечемся с абсолютной интенсивностью, ибо отпадает меон, отягощающий порывание. И т.д. Поэтому, с точки зрения диалектики, *конец* времен можно понимать *только в смысле абсолютизации выраженного*. Время само по себе все равно никогда не кончится, потому что даже в самой перво-сущности есть идеально-временной момент. Но время может, ввиду своей неоднородности, перейти из одного состояния в другое. Вот переход из состояния взаимного рассеяния элементов сущности в абсолютно собранное и может именоваться *концом* времен. Но это не значит, что вечность принесет что-нибудь *принципиально* новое в смысле фактов. Нет, факты останутся те же самые, да и смысл тот же самый; только предстанет и факт, и смысл в абсолютном свете, и обнажатся дела его. А сами-то дела не изменятся. Ничего не прибавило время к вечности.

б) *Нет никакой вечности помимо и вне времени, и, следовательно, нет никакой вечности ни до времени, ни после времени, ни во времени.*

Это — та же самая истина, только выраженная с другой стороны. И эту сторону весьма и весьма важно подчеркнуть. Не только время ничего не прибавляет к вечности, но и обратно, и вечность ничего нового не содержит, чего не было бы уже во времени. Это — та же, говоря, мысль, но другое направление рассуждения. Вдумаемся в это поразительное и устрашающее заключение диалектики. Все, что я делаю теперь, остается в вечности навеки. То, что я совершал раньше, навеки останется в вечности неизменным. И если чего-нибудь не сделал я во времени, уже больше никогда, ни в какой вечности, я не смогу этого сделать. Да и как я могу что-нибудь сделать *потом*, когда времени уже не будет. И если не увидел я и не ощутил перво-сущности во времени, то никакая вечность не откроет мне ее больше и лучше, ибо сама вечность строится во времени, сама вечность зависит от времени, определяется им, получает от него смысловое содержание. Как я могу надеяться на оправдание и помилование в вечности, если сама вечность есть только временное, в котором я сейчас живу и в котором, вижу я, нет мне оправдания и помилования? Будем всегда помнить, что в вечности есть только то, что во времени. И никакая вечность вообще *наступит* не может. Когда мы утешаем себя, говоря, что вот *наступит* вечность, и мы будем все равно прощены, мы продолжаем незаметно для себя и самое вечность мыслить как новый этап времени же. Мы рассуждаем здесь примерно так, как купец ждет окончания своих денежных операций, после которых он должен разбогатеть. Нет, вечность *уже* присутствует в каждый момент, и все, что творится, творится уже в вечности. Время — домостроитель вечности. Изменить вечность можно только во времени. Если бы время кончилось абсолютно, и вечность бы исчезла во мгновение ока, как и обратно. Но время не исчезает. Исчезнет только осознание себя как самостоятельно выражающего себя, и настанет только осознанность себя как самостоятельной выраженности себя. Без времени нет вечности. И не будет. Время строит вечность. Время — тело вечности. Не сделать чего-либо во времени значит не сделать этого и в вечности. Не познать и не полюбить чего-

либо во времени значит не познать и не полюбить этого и в вечности. И то, что мы обыкновенно называем вечным, или будущей вечностью, есть только обнажение временного в абсолютном свете для самого себя. В *будущей* вечности ничего не прибавится и не убавится в сравнении с *нынешним* временным (ибо иначе это и не было бы вечностью, т.е. неподвижностью); только осознается все в абсолютном свете и явится не зеркалом в гадании, но лицом к лицу. Говорящие же о многочисленных воплощениях во временное или понимают каждое воплощение как только истинное проявление вечного имени воплощающегося, так что полнота воплощения достигается только в результате многочисленных (однако точно определенных) воплощений, или же искажают самое понятие вечности и имени, впадая в дурную метафизику антидиалектических отвлеченностей.

2. *Вечность и время отличаются друг от друга* тем, что время есть вечность, перешедшая в иное и внешнее себе, время есть иной факт, чем факт вечности.

Это значит:

а) *Есть время помимо и вне вечности, и, следовательно, есть время и до вечности, и после нее, и в течение ее.*

До сих пор мы подчеркивали тождество времени и вечности и сопрягали их в неразрывное и нерасторжимое единство, без которого ни то ни другое не имело бы никакого смысла и перестало бы существовать во мгновение ока. Они различны лишь по степени самоосознанности и по степени вообще прочих свойств. Теперь же мы доказываем, что время и вечность подлинно различны. Настолько они различны, что, прежде всего, можно сказать, что существует время, которое действует и помимо вечности, действует до нее, в ней и после нее и всегда — независимо от нее. Что это могло бы значить? Временное должно действовать, прежде всего, как временное. Временное, чтобы быть, должно забыть о вечном, или, по крайней мере, не обращать на него внимания. Временное — самостоятельный, особый принцип. Временное — факт, вырастающий рядом с вечностью и пытающийся сам стать вечным. Вся сладость бытия — во временном, в становящемся, в движении, в возможности двигаться, меняться и проявлять себя. Становление — не вечность и не нуждается в ней. Становящееся — только становящееся. Оно было еще тогда, когда не было самого вечного, т.е. не было осознания себя как вечного. И оно есть тогда, когда это осознание утеряно. С точки зрения становления становящееся только и может обсуждать прошлую или грядущую вечность. И мы, становящиеся, говорим и должны говорить: *была* вечность и *будет* вечность. И тем возносим становление, со всеми этими «было» и «будет», на высоту самодовлеющего начала, стоящего выше самой вечности. И, значит, становление — и до вечности, и в вечности, и после нее. Становление — наше право и наша свобода. Без него мы были бы не мы, но сияла бы только одна вечная перво-сущность, без нас и без иного вообще. Но вот вокруг перво-сущности, в результате излияния ее энергий, зарождается иное, и единственно, чем отличается оно от перво-сущности, это именно его связь с становлением, с временем. Пусть все предрешено и предопределено, пусть в вечности все нерушимо и неподвижно, но я имею право и имею силы, чтобы склонить эту вечность, со всей ее неподвижностью, на свою сторону. Я, инобытийное становление, могу заново воплотить эту неподвижную вечность в себе, и уже тут не она, а я властен выбирать ту или иную степень воплощения. И если нет этой моей, инобытийной свободы, — нет вообще никакого инобытия, ни вечного, ни временного.

б) *Есть вечность помимо и вне времени, и, следовательно, есть вечность и до времени, и после времени, и во времени.*

Это также очевидно. Прежде чем меняться чему-либо, ему необходимо не меняться и быть неподвижным. *Что* бы время ни меняло, вечность неподвижна и неизменчива. Пусть во времени все меняется и течет. В вечности все это остается навеки устойчивым. *Что* бы я ни делал во времени, все это тотчас же застывает в нерушимых формах вечного. Пусть я могу изменить свою жизнь всецело, пусть я свободен сделать одно и не сделать другого. Все это — с необходимостью есть в вечности, незави-

симо от моей свободы, моих поступков и моих намерений. Вечность даже и не нуждается во времени. Последнее все равно ничего в ней ни прибавит, ни убавит.

3. *Вечность и время одновременно и одинаково и тождественны, и различны.*

Это значит:

а) *Время есть непрерывно-становящаяся вечность.*

Синтез нерушимой вечности и скользящего, хрупкого становления есть время, понимаемое как непрерывно-становящаяся вечность. Этот синтез окончательно закрепляет растворенность времени в вечности и вечности во времени и невозможность одному выйти за пределы другого. Время только обрисовывает и выражает вечность. Можно наметить несколько типов временного становления, ясных, впрочем, уже из предыдущих исследований. Можно становиться целиком и всецело так, как того требует вечность; можно становиться отчасти и не так, как того требует вечность. Вот это все и есть принцип временности. Когда вечное инобытие (а иным оно не может быть, так как все, что есть, вечно и не подвигнется веками), когда вечное инобытие еще и утверждает себя (а не утверждать себя оно не может, как и вообще все, что есть) в качестве вечного (не-вечным тоже ничто из того, что есть, не может себя утверждать), то становится вечным в полном смысле этого слова, не по извне полученным энергиям, по собственным, от себя затраченным усилиям. Это становление вечным в полном смысле этого слова свершается в одно неуловимое мгновение, которое и есть подлинная вечность, т.е. собранность всего в нерушимую и неделимую точку. Это мгновение, в случае абсолютного самоутверждения, так и остается идеально-временным мгновением, не простираясь в материально-меональное время и не раздробляясь на отдельные частности. Но возможно частичное самоутверждение, и тогда идеально-временное мгновение расплзается на текучую и раздробленную массу отдельных мгновений и возникает материально-меональное, наше солнечное время. Это не значит, что время есть что-то принципиально новое в сравнении с вечностью. Время есть просто тот или иной смысл вечности, то или иное имя, которое угодно инобытийно-вечному взять на себя. Поэтому смысл нашего учения о времени как становящейся вечности и сводится просто к тому, что вечность свободна выбрать себе тот или иной смысл. Солнечное время и есть одна из форм избрания себе смысла инобытийной вечностью. Ничего, в сущности, временного нет. Все — вечно. Есть только разная осмысленность вечности, разное ее именование, разная самоявленность и самоутвержденность. А всякое «будет», «есть» и «было» возможны только с точки зрения времени. И потому, хотя мы и говорим, что будет некогда вечность и время кончится, на самом деле времени вообще нет, а есть только определенным образом, а именно частично и определенным образом частично, выражающая себя инобытийная вечность. Находясь же в гуще этого самовыражения и не будучи в состоянии охватить себя целиком, мы говорим: «вот наступит вечное», подобно тому, как один момент наступает за другим, и, с точки зрения такого одного момента, мы говорим о последующем моменте, что он *будет*. В этом смысле, конечно, есть основание говорить, что вечное *будет*, наступит. Но надо помнить, что в порядке следования времен наступит только единственная новость — абсолютное осознание себя, т.е. того, что уже есть и было в течение всего протекшего времени. Никакого, однако, нового факта и нового осмысления факта не случится, и в этом смысле бессмысленно говорить, что вечность когда-нибудь *будет*. Она и не переставала быть, и время даже и не начиналось. Время и есть пребывающая вечность.

б) *Вечность есть неподвижно-пребывающее временное становление.*

Наконец, и этот последний оттенок мысли. Время есть становящаяся вечность и, таким образом, времени, сказали мы, собственно говоря, нет. Но это же значит и то, что равным образом и сама вечность есть только неподвижность становления и, стало быть, можно сказать, что и вечности, в собственном смысле, как изолированной и таковой, тоже не существует. Вечность, никак не выраженная, вернее, никак себя не выразившая, не есть вечность. Существует только выразившая себя вечность, ибо все есть только так, как есть сама перво-сущность, а она абсолютно выражает себя. Но

что такое выражение? Выражение есть действие в другом, осмысление иного. Смотря на то, как осмыслено иное, мы и заключаем о том, как именно выражает себя осмыслившее эту инаковость. Отсюда, в вечности ничего нет, кроме пребывающего становления, или выражения себя путем осмысления иного. И нельзя, следовательно, надеяться на свою вечность, что она поможет или спасет. Эта вечность сама существует только благодаря материалу времени. Поэтому, надеяться на то, что спасет вечность, значит самому спастись свое временное. Ибо чего нет во времени, не будет и в вечности. Вечность никогда даже и не начинала действовать и никогда не будет действовать как-нибудь специально. Она — то же самое время, только время, имеющее своим заданием выразить себя как некую неподвижность. В случае абсолютной самовыраженности время обладает идеальным характером и тождественно с мигом, собравшим все в одну неразличимую точку. В случае частичной самоутвержденности время характеризуется как распавшаяся в длинный и постепенный ряд смысловая стихия вечного мига. Там и здесь — временная выражаемость инобытия. Наша жизнь, с ее утратами и страданиями, жестокостью и глупостью, и есть единственно возможная для нас вечность. Мы, зная об ограниченности своего знания, можем надеяться только на то, что некогда, в определенный момент солнечного времени, все вдруг восстанет в абсолютном свете, и мы увидим, что утратой мы называли то, что было приобретением в вечности, и страданиями называли то, что было радостью в вечности. Но это не изменит самих фактов. Это только осветит их. Но тогда нет никакой вечности кроме неподвижно-пребывающего становления. [392]

с) Уяснивши себе эту диалектику вечности и времени и заметивши, что все вышеупомянутые четыре разреза перво-сущности овремениваются и переживают инобытийные судьбы, вспомним теперь, каков диалектический смысл инобытия вообще. Мы помним: 1) инобытие есть принцип оформления; 2) это, кроме того, такой принцип оформления, который дает возможность существовать и иному за счет данной сущности; 3) таким образом, инобытие есть принцип оформления сущности для получения рядом с нею новой, по факту самостоятельной, хотя по смыслу и зависимой от нее сущности. Отсюда с полной ясностью вырастает подлинная природа и назначение меона. Меон сам по себе — ничто. Он существует постольку, поскольку рядом с сущностью появляется другая сущность, утверждающая себя по принципу первой сущности. Меон, или материя, существует постольку, поскольку выражается первая сущность во второй, т.е. постольку вторая сущность конструирует на себе смысл первой. *Как только закончено выражение первой сущности во второй, меон исчезает и остается только вечная сущность, вновь появившаяся в результате подражания первой.* Стало быть, меон как вещь и самостоятельная субстанция отсутствует. Он — лишь момент в самой же сущности, захотевшей самостоятельно выразить себя как таковую. Как только она заканчивает самостоятельное выражение своего от перво-сущности полученного (и, следовательно, ею самою до этого еще не выраженного и не утвержденного) смысла, так прекращается и действие материи, и остается вечная сущность с тем новым смыслом, который получен в результате собственного самовыражения.

d) Привлекая предыдущие рассуждения о вечности и времени, мы можем теперь следующим образом их углубить. <393–394 страницы рукописи утрачены.>

[395] <...> к тьме и отдавшая ей свою свободу, и уже не сможет выйти из этого состояния, ибо состояние это есть сама вечность и вечное имя инобытийной сущности.

f) Таким образом, инобытия нет без самостоятельного самоутверждения им себя, а это самоутверждение может иметь бесконечные степени, и — все это есть и вечность инобытия. Рассмотрим теперь эту проблему вечности и времени инобытия с точки зрения уже той или другой степени самоутвержденности.

1) Перво-сущность есть абсолютная самоутвержденность и абсолютная независимость. *Инобытие тоже может быть только таким же.* Так или иначе, но перво-сущность нарушила бы свою природу перво-сущности, если бы она вне себя не проявлялась как абсолютная самоутвержденность и самовыраженность. Итак, *инобытие должно быть абсолютно свободным, не может не быть свободным, и таковым оно*

остается все время, что бы с ним ни случилось. Как и вообще во всяком процессе изменения изменяющееся должно оставаться абсолютно тождественным и неизменным во всех моментах изменения, так и перво-сущность, где бы и что бы она ни делала и где бы и что бы ни делалось самой собой, она везде и всегда присутствует только со всей полнотой себя самой, т.е., в частности, с абсолютной самоутвержденностью и пр. 2) Теперь, инобытийная сущность, в основе своей вечная — как чистый образ и подобие перво-сущности и никогда не перестающая носить на себе ее вечное имя (так что диалектически необходимый момент становления есть здесь только нематериальный идеально-временный момент, как и в самой перво-сущности), такая инобытийная сущность не может не утверждать себя самостоятельно во всех своих идеально заданных моментах уже по одному тому, что и все иное, что есть кроме перво-сущности, по универсальной значимости этой последней необходимым образом должно утверждать себя тоже абсолютно и тоже самостоятельно. Нет ни одного момента времени в инобытии, когда оно не [396] утверждало бы себя самостоятельно и независимо. Было бы нарушением универсальной значимости и самой природы перво-сущности, если бы что-нибудь иное не утверждало себя совершенно свободно и независимо. Значит, в каждом моменте инобытийной сущности абсолютно свободно утверждает себя и перво-сущность (и от нее зависит судьба инобытийной сущности в смысле ее самоутвержденности), и сама инобытийная сущность (так что от нее именно зависит судьба ее собственной самоутвержденности). 3) В результате этих двух самоутверждений появляется некое новое имя, существующее рядом с именем перво-сущности, которое отличается от последнего тем, что тут оно само себя утверждает и свободно выбирает себе свой характер. *Это имя — вечно, как и сама перво-сущность, ибо онтологически нет ничего вообще не-вечного.* То, что называется временем, есть тоже вечное — с тем единственным отличием, что это — вечность иного, чем перво-сущность. Вечность так же становится и меняется, как и время, — только без меканальной убыли и прибыли, а так, что все остается вместе. Время — форма самостоятельного и свободного самоопределения и самоутверждения сущности в ином. Поэтому, для инобытийной сущности время и вечность — одно и то же. Разница только в том, что во времени нет абсолютного смысла самосознания, стремления и т.д., и все это дано лишь по частям, а в вечности все то же самое по факту дано в абсолютной своей самоявленности, самосознании, выраженности и т.д. Отсюда, далее, *время ничего не прибавляет к вечному, хотя и отлично от него своим самосознанием и текучестью, и вечность ничего нового не дает нам в сравнении с тем, что имели мы во времени, хотя она и отлична от времени своим абсолютным самосознанием и вечным покоем.* 4) Диалектически необходим и следующий вывод. Время не может выразить того, чего не было в вечности, и вечность ничего не может выразить того, чего не было во времени. Следовательно, [397] *течение времени абсолютно неизменно, непревратно; оно предопределено вечным и, следовательно, в конце концов, перво-сущностью.* То, что есть во времени, не может быть иначе без нарушения самой природы перво-сущности. Стало быть, и вся темнота, все зло и страдания, какие были во времени, могли быть так, как они были, и изменить их можно было бы только нарушением всеблаженной природы самой перво-сущности. Равным образом, и *вечность непревратима, неизменяема во временное, кроме одной и единственной формы воплощения во времени, она — всецело предопределена перво-сущностью, и, сколько бы раз она ни переходила во временное бытие (допустим эту нелепую возможность), она всякий раз выражала бы себя во времени именно так, как выразила в первый раз. Но несколько раз выражаться во времени вечное могло бы лишь в случае отсутствия у него определенной смысловой завершенности и изваянности в своем имени. Раз есть имя и раз оно строго оформлено, то и во времени оно может выразить себя только однажды — а именно так, как требует того имя. Когда кончается выражение последнего момента имени, кончается навсегда и само время, и немислимо никакое новое воплощение, ибо уже нет в имени того, что не воплотилось бы.*

г) Только теперь мы сможем специфицировать для момента вечной самоутвержденности (так или иначе данной) инобытия те наши общие антиномии, которые мы формулировали выше (п. d, e этого параграфа) для перво-сущности и инобытия в целом. Это и есть резюме диалектики последней стадии инобытия. Чтобы получить твердый и ясный метод такой спецификации, запомним, что 1) мы должны теперь говорить не о становящейся вечности или о вечном становлении вообще и не о материально-меональном виде этого становления, но исключительно об *идеально-временном* моменте этого становления (вспомним наше учение о двух родах материи). 2) Кроме того, так как наличие этого идеально-временного момента, или отсутствие материально-меонального, необходимым образом связано с абсолютизацией всех свойств сущности (самосознания, стремления и т.д.), то в антиномиях [398] перво-сущности и иного необходимо должен быть выдвинут и этот момент. 3) Наконец, примем во внимание и разную степень самовыраженности, с которой инобытийная реальность входит в вечность.

А. 1. *Пресветлая перво-сущность виновна в вечной самоутвержденности инобытия*, ибо в основе этой самоутвержденности лежит абсолютно самоутвержденная энергия перво-сущности, и инобытие тождественно с ней по смыслу.

Это значит: а) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее всецелой самоутвержденности*, есть только перво-сущность в своем энергийном имени, ибо факт такой инобытийной вечности перестал бы существовать, коль скоро был бы отнят самый его смысл; в основе такой вечной инобытийной сущности, следовательно, лежит вся полнота смысла, интеллигенции, влечения и самопознания, и, наконец, именно перво-сущности, — во всей неизменности и непререкаемости, какая свойственна перво-сущности.

б) Единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее частичной или прямо отсутствующей самоутвержденности*, есть только перво-сущность в своем энергийном имени, ибо факт такой инобытийной сущности перестал бы существовать, коль скоро был бы отнят самый его смысл, который здесь, в этом факте, не выражается или выражается частично (чтобы быть невыраженным или быть выраженным отчасти, надо сначала быть просто); в основе такой вечной инобытийной сущности, следовательно, лежит не что иное, как вся полнота перво-сущного смысла, интеллигенции, влечения, или любви, и, наконец, имени — во всей неизменности и непререкаемости, какая свойственна перво-сущности.

2. *Пресветлая перво-сущность невиновна в вечной самоутвержденности инобытия*, ибо последнее — иное в отношении к перво-сущности и, завися от нее по смыслу, все же совершенно самостоятельно и на свой риск и страх утверждало и выражало себя.

[399] Это значит: а) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее всецелой самоутвержденности*, есть только она сама в своем энергийном имени, ибо факт такой инобытийной сущности перестал бы существовать, коль скоро была бы принята смысловая энергия этого факта в своей инаковости в сравнении с перво-сущностью; в основе такой вечной инобытийной сущности, следовательно, продолжает лежать вся полнота сверх-сущего смысла, интеллигенции, влечения, или любви, и, наконец, имени — в самостоятельной переработке и пересоздании со стороны инобытия.

б) Единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее частичной или прямо отсутствующей самоутвержденности*, есть только она сама, инобытийная же сущность, в своем энергийном имени, ибо факт такой инобытийной сущности перестал бы существовать, коль скоро была бы отнята его ущербная энергия, сама свободно сделавшая себя таковой; в основе такой вечной инобытийной сущности, следовательно, продолжает лежать не что иное, как все та же полнота перво-сущного смысла, интеллигенции, влечения, или любви, и, наконец, имени — в самостоятельной переработке и пересоздании со стороны инобытия.

3. Пресветлая перво-сущность одновременно и одинаково виновна, и невиновна в вечной самоутвержденности инобытия, ибо перво-сущность есть неиссякаемый источник энергием абсолютно независимого от нее самоутверждения.

Это значит: а) вечная инобытийная сущность, *данная в аспекте своей всецелой самоутвержденности*, есть место или среда всецелого пребывания перво-сущности, заново утвержденной и как бы пересозданной, пересоздавшей себя, так что, как нельзя изменить самое перво-сущность, так нельзя уже изменить и эту вечную инобытийную сущность (ее становление уже не материально-меональное, но — в вечность);

б) вечная инобытийная сущность *в аспекте ее частичной или прямо отсутствующей* [400] *самоутвержденности* есть место или среда всецелого пребывания перво-сущности, заново не утвержденной и не выразившей себя, так что нельзя уже изменить эту вечную невыраженную сущность (ее становление — уже не материально-меональное, но — в вечность).

В. 1. *Вечная инобытийная сущность невиновна в своей самоутвержденности* и не своими силами она утвердилась на века, ибо нет больше нигде никакого смысла и имени, кроме имени перво-сущности, и все остальное — лишь то или другое подобие ее.

Это значит: а) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее всецелой самоутвержденности*, есть только перво-сущность в своем энергийном имени, причем это имя, или лик, неизменяемо и непревратно, ибо соответствует вечно верной себе природе перво-сущности;

б) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее частичной или прямо отсутствующей самоутвержденности* есть только перво-сущность в своем энергийном имени, причем это имя, или лик, неизменяемо и непревратно, несмотря ни на какое *фактическое* состояние осмысливаемого им факта, — ибо оно соответствует вечно верной себе природе перво-сущности.

2. *Вечная инобытийная сущность виновна в своей самоутвержденности*, и своими силами, за свой риск и страх, свершила она это самоутверждение, ибо она иное перво-сущности и потому не пользуется ее силами.

Это значит: а) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее всецелого самоутверждения*, есть только она сама, инобытийная сущность в своем энергийном имени, ибо иначе, утверждаемая силами самой перво-сущности, она была бы не инобытием, но самой перво-сущностью; — при этом в основе такой вечной инобытийной сущности лежит добровольное и свободное принятие перво-сущных энергий — во всей полноте своего смысла, интеллигенции, любви и [401] имени, неизменно изливающихся на нее;

б) единственное, что осмысливает и создает вечную инобытийную сущность *в аспекте ее частичной или прямо отсутствующей самоутвержденности*, есть не что иное, как сама же она, инобытийная сущность, в своем энергийном имени, причем в основе такой сущности лежит добровольно и свободно предпринятое неприятие перво-сущных энергий — во всей полноте своего смысла, интеллигенции, любви и имени, неизменно изливающихся на нее.

3. *Вечная инобытийная сущность одновременно и одинаково виновна и невиновна в своей вечной самоутвержденности*, ибо инобытийная сущность неизменно хранит в своей глубинной основе вечное имя и лик перво-сущности, неизменно же претворяя его в свое собственное стяжание и достижение.

Это значит: а) вечная инобытийная сущность *в аспекте своего всецелого самоутверждения* есть субъект всецелого притяжения неизменно изливающихся перво-сущных энергий, так что не может быть уже изменено ни самое притяжение энергий, ни энергия, поскольку идет речь именно о всецелой вечности;

б) вечная инобытийная сущность *в аспекте своей частичной или прямо отсутствующей самоутвержденности* есть субъект всецелого неприятия неизменно изливающихся перво-сущных энергий, так что не может быть уже изменено ни самое неприятие энергий, ни энергия, поскольку идет речь именно о всецелой вечности.

С. 1. Пресветлая перво-сущность виновна и невиновна в вечной самоутвержденности инобытия.

2. Вечная инобытийная сущность виновна и невиновна в своей вечной самоутвержденности.

3. Пресветлая перво-сущность и вечная инобытийная сущность одинаково и одновременно виновны и невиновны в вечной самоутвержденности инобытия.

Это значит: а) вечная инобытийная сущность в аспекте своего всецелого самоутверждения есть данная [402] как вечный миг свободно и своими инобытийными силами утвержденная восприятость неизменно пребывающих и изливающихся перво-сущных энергий — без возможности изменить это приятие и эти энергии;

б) вечная инобытийная сущность в аспекте своего частичного или прямо отсутствующего самоутверждения есть данная как вечный миг свободно и своими инобытийными силами утвержденная непринятость неизменно пребывающих и изливающихся перво-энергий — без возможности изменить это неприятие и эти энергии.

Такова диалектика двух видов вечной инобытийной сущности.

г) Любопытно и страшно вдумываться в эту неумолимую диалектику разума и бытия. Хотя такими антиномиями сказано решительно все важное, я все-таки еще раз подчеркну некоторые моменты, на которые натуралистически-метафизическая мысль всегда ждет ответа. 1) Прежде всего, самый общий вопрос: как возможны эти вечные муки погибшего инобытия при всеблаженстве и вседовольстве перво-сущности? Они возможны, отвечаю я, как результат свободного самоутверждения. 2) Почему же это свободное самоутверждение, свершающееся искаженно или частично, во времени не дает мук отвержения, а в вечности — дает их? Потому, что в вечности отпадает меон, несущий с собой забвение и самозабвение, помрачение вечного имени, и, по миновании материи и времени, восстанавливается абсолютное самосознание, которое, видя искажение, мучится. 3) Но почему нельзя прекратить этого мучения? Потому что прекратить мучения значило бы забыть их, а забыть — значило бы опять погрузиться в материю и время, а новая меонизация и овременение немислимы, так как все, что было в вечном имени инобытия, уже меонизировалось и овременивалось, т.е. выразилось, проявило свою природу; вечное потому и вечное, что неизменяемое, а повторное погружение во время, было бы попыткой не того выражения в становлении, которое диалектически требуется и которое однажды уже было, но попыткой оременить вечное до конца, так чтобы в становлении совсем не было вечного. Это, однако, немисливо. 4) Так, значит, уже с самого начала предрешено и предопределено, [403] что вечное имя такой-то твари — неискаженное и всецело повторяющее перво-сущную энергию, а вечное имя такой-то твари искажено и лишь частично воплощает перво-сущную энергию? Ибо только в таком предположении можно было бы говорить, что данное имя вечно и неизменно и поэтому отступничество, какое в нем есть, тоже вечно и неизменно. Да, безусловно необходимо думать, что с самого начала уже предрешена и предопределена судьба всякого имени; в нем, как в зерне, сконцентрирована вся сила и все будущее того инобытия, которым воспринимается на себя это имя. Но думать только так — значило бы думать не-диалектически. Диалектика же требует признать одновременное утверждение и того, что инобытие само предрешает и предопределяет свою судьбу и само добровольно воплощает и предопределяет в той или другой, желаемой ею степени, вечное имя. При этом тут не просто элементарное противоречие и отсутствие логики, которое нужно покрыть «верой», настроением и которое необходимо заставить молчать. Нет, диалектика не только не боится мыслить, а мысль и есть ее подлинная стихия. И поэтому диалектика с абсолютной достоверностью показывает необходимость как тезиса предрешенности эйдоса, или имени, так и антитезиса свободы и добровольного изгнания своей судьбы инобытием. Равным образом только при синтезе этих «противоречий» можно вообще мыслить инобытийную жизнь. Об этом много говорилось раньше. 5) Почему перво-сущность не может попать всю эту диалектику ради спасения погибшего инобытия? Спасти инобытие можно только тогда, когда оно будет абсолютно самосознающим и

абсолютно свободным. Спасти же его против его воли значило бы нарушить его свободу, т.е. это и значило бы вовсе не спасти. Поэтому причина гибели — не перво-сущность, но — само инобытие. 6) Почему не изливается целиком перво-сущная энергия на погибшее инобытие, а изливается только на самоутвердившееся? Это опять тот же вопрос, хотя и с новым оттенком. Все дело как раз в том и заключается, что перво-сущная энергия одинаково изливается и на утвердившуюся, и на неутвердившуюся сущность. Но, в то время как в одном случае это изливание есть принцип постоянной [404] вечной памяти о своей утвержденности, т.е. принцип самой утвержденности, в другом случае то же самое изливание есть напоминание о неутвержденности инобытия, т.е. принцип самой неутвержденности. Поэтому в основе как всякого блаженства инобытия, так и вечных мук его лежит одинаково любовь перво-сущности к инобытию, и онтологически там и здесь ничего, кроме этого, и нет совсем, ибо иное как таковое есть не-сущее. Тем не менее самовыражение инобытием себя самого в смысле приятия энергий есть в общем случае блаженство, а самовыражение себя в смысле неприятия энергий в другом случае есть мука. Сущее — одно, а инобытий два — блаженное и мучающееся. Инобытие — одно, а сущих инобытий два — блаженное и мучающееся. Виновата перво-сущность в этом и — не виновата. Виновато инобытие и — не виновато. И это не противоречивая логика, но логика противоречий. Это — законные и доказуемо выполнимые требования разума, взятого в его полноте. 7) Из предыдущего ясно, что прекратить мучения погибшей сущности можно было лишь путем прекращения изливания перво-сущных энергий. Тогда не было бы оскорбляемого и неприняемого, не было бы и мучений, связанных с последствиями нанесения оскорблений. Но это значило бы для перво-сущности перестать быть собою, ибо перво-сущность не мыслима без своих энергий. Так и получается, что перво-сущность изливает *только* свет, а погибшая сущность *только* переживает муку. 8) Почему же за преступления в течение *более или менее* длительного времени такое страшное наказание путем *вечных* мук? Этот вопрос труден только для недиалектиков (напоминаю, что я во всем сочинении говорю только о философско-теоретических трудностях и пытаюсь преодолевать только их, а не какие-либо иные трудности, например, мистические). Мы уже доказали, что вечности нет помимо времени. Что во времени, то только и в вечности. Единственная новость, это — полнота осознания *уже свершенных* фактов. Поэтому, если бы была полнота знания во время совершения преступления, то и во времени, без «перехода» в вечность, это было бы нестерпимой мукой. Обычно же, чисто условно, мы называем вечностью именно это освобождение от меона, или, [405] иначе, окончание своей самовыраженности. Как только кончилось самовыражение, наступило полное знание этого самовыражения. Как в, так называемом, времени лежал в основе только сверхвременный миг приятия или неприятия перво-сущных энергий, так и в основе вечных мук погибшей сущности лежит только вечный миг неприятия энергий. 9) Материя, или иное, — ничто. Тем не менее, в сочетании с вечным смыслом, — нечто, и притом нечто иное, чем факт смысла. В соединении же с свободой вечного смысла, материя — нечто тоже свободное или рабское. Наконец, в соединении с блаженством свободы вечного смысла, она — или сама блаженная свобода вечности, или сама мука вечного рабства. А в основе материи — ничто. Поэтому при абсолютном монизме мы говорим о вечных муках наряду с вечным блаженством и при наличии ада мы говорим о всецелой любви перво-сущности к инобытию и об отсутствии в ней всяких иных отношений к инобытию. 10. Таким образом, проблема инобытийной сущности, вечно пребывающей в гибели, требует для своего разрешения предварительного решения следующих вопросов: 1) диалектика времени и вечности; 2) диалектика сущности и меона в отношении разной степени выраженности сущности в меоне; 3) диалектика свободы и необходимости; 4) диалектика интеллигенции. Первый вопрос разъясняет нерасторжимость времени и вечности, их взаимную смысловую обусловленность и невозможность выйти за пределы друг друга. Второй вопрос рисует более конкретно смысловую картину, появляющуюся в результате сопряжения вечности и

времени, являющую перво-сущный первообраз то в полной, то в неполной форме. Третий вопрос указывает, что эта смысловая картина есть совокупный результат свободных временных актов инобытия и необходимости, лежащей в вечной природе сущности. И, наконец, четвертый вопрос разъясняет, как эта свободно для себя избранная инобытием смысловая картина имени рано или поздно должна предстать в свете абсолютной интеллигенции, отсюда и рождаются вечные муки. Обобщая эти четыре проблемы в одну, мы должны сказать, что диалектика ада есть частный случай диалектики одного и иного, или сущности и материи, вообще.

Такова диалектика двух возможных видов вечной инобытийной сущности в аспекте собственного ее самоутверждения.

(Публикация А.А. Тахо-Годи, научная подготовка текста В.П. Троицкого)